

Владарг Дельсат

ПОДЧИНЕНИЕ

КРИТЕРИЙ РАЗУМНОСТИ

Владарг Дельсат

Подчинение

«Автор»

2026

Дельсат В.

Подчинение / В. Дельсат — «Автор», 2026

Таня умеет выживать: молчать, когда больно, отвечать, когда страшно, ненавидеть так, будто ненависть может заменить дом. В Германии она была чужой вещью в чужих руках. В прошлом — стала оружием. А впереди ее ждет Человечество, где разумность измеряют не силой, не происхождением и не правом приказывать. Девятнадцатый роман саги «Критерий разумности» — история о девочке, которую слишком долго учили подчиняться, и о цивилизации, где главный вопрос звучит иначе: что может быть важнее детей? Здесь космос начинается не со звёзд, а с попытки не предать разум.

© Дельсат В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Древность. Ненависть	5
Древность. Подсказка	9
Древность. Дядя Сережа	13
Древность. Путь на Родину	17
Древность. Учеба	21
Древность. Готовность	25
Темные Века. Наши	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владарг Дельсат

Подчинение

Древность. Ненависть

Я ненавижу их всех.

Восемь лет живу я в этой стране, а ненависть моя только крепнет. Правда, нельзя сказать, что они ничего не сделали для укрепления моих эмоций. «Родители», требующие называть себя «мама» и «папа» на чужом языке, даже и не пытались меня понять. Облагодетельствовали сиротинушку – удочерили. Я маленькая была, глупая, шесть лет всего. Думала: «Ах, Германия, рай земной!», ну и маму хотела просто до воя. А получила вместо этого «маму». Они не лупят, хотя лучше бы били. Могут запереть в своей комнате на весь день и забыть, могут отнять телефон... А в телефоне у меня все друзья, все наши, русские! Только там они у меня...

Да и то, казалось бы – заперли в комнате, ну и что? А есть, пить, в туалет, наконец? Вот то-то и оно. Можно было бы за помощью обратиться, да только это опять детский дом, который как тюрьма, и что там происходит, никто не знает. Поэтому я занимаюсь радиолобительством, выбиваю из «родителей» деньги на курсы разные – медицинские, что у нас поощряется, еще вождение... Мне четырнадцать, могу скутер водить, ну мотороллер. Еще в библиотеке люблю время проводить, в городской, конечно, нет у них другой...

Я живу в небольшом городе на двадцать тысяч человек на юге Германии. Он здесь, кстати, большим считается. У меня есть удочерившие меня «родители», каждый день демонстрирующие, что я для них неродная. Они покупают одежду, телефон попроще, а вот косметику, даже самую простую – нет, из-за чего я в классе своем почти изгой. Класс у меня восьмой, школа одиннадцатилетка, потому что в гимназию меня не взяли. Положа руку на сердце, никто и не пытался, ведь начальная школа дала плохую характеристику. Нет, вовсе не из-за того, что я плохо училась, но...

Можно было заявить о дискриминации, да только «родителям» это не надо, а я сама никому ничего не докажу. Была бы я немкой, а так... Ну и травят, само собой, тыкают в морду происхождением. Здесь место моего рождения во всех документах написано, а русские для них как бельмо в глазу. Официально нет, конечно, да и девчонки в интернете говорили, что у них такого не бывает, видимо, «повезло» только мне. К тому же они, хоть и не родившиеся в Германии, но немки, а я... Я русская.

Сначала я стеснялась этого, хотела быть настоящей немкой, чтобы мною гордились, но... Для «родителей» я – это деньги и статус, потому что «мама» сама рожать не захотела. Я-то ее поначалу жалела, но потом она мне объяснила, что дети, особенно маленькие... Не буду повторять. Нелюди они какие-то, эти немцы.

В школе у нас было целых два урока по истории нацизма, буквально недавно, но мне это показалось неправдоподобным, и я открыла русские ресурсы. В немецких не найдешь ничего, а вот в русских... И тут-то я поняла, почему немцы ко мне так относятся. Написано же было, что они называли русских «недочеловеками», и так это похоже на то, что происходит со мной! Наверное, мне просто не повезло и у других все в порядке, но меня же интересую я!

Почему я должна думать о других? Почему? Я не хочу! Я маму хочу, даже в свои четырнадцать, уже озлобившись на весь свет, я хочу маму, как в сказках, как в фильмах. Я хочу, чтобы меня... любили. Неужели это так много?

Ухожу из дому, чтобы в клубе поработать на рации. У меня уже даже свой позывной есть, для начинающих, который «дельта-оскар», голосом работать можно, но мне нравится морзянкой – и дальше слышно, и комфортнее как-то. А еще я люблю прямой ключ, хотя автоматиче-

ским горизонтальным проще и быстрее, но мне нравится, как в фильмах шпионы ты-ты-тыц сверху вниз. Я прошла три пары курсов Красного Креста и специальные еще, поэтому могу перевязать что угодно, даже шею. Главное, не затягивать сильно, хоть и хочется.

А вчера мне Лидка из Берлина скинула статью про Саласпилс. И я поняла, что не хочу иметь ничего общего с немцами. Может быть, они другие уже, но я просто не хочу, потому что такое творить... Я плакала всю ночь. Вообще стала плаксивой в последнее время. Когда Тура с этой новой пытались меня придушить в душевой, вот с тех пор я плачу много, но только когда меня никто не видит. На мгновение даже показалось тогда, что убьют, но они только нехорошее сделать хотели... Не вышло у них, но я теперь боюсь, потому что защитить меня некому.

С этим русским я познакомилась в нашем чате. С ним даже поговорить можно, в смысле голосом. У него теплый голос, баритон. Наверное, и влюбиться можно, да только я не буду. А еще он очень хорошо слушать умеет, мне даже становится легче на душе. И на все вопросы ответы знает... Что-то типа интернетного папы получается. Поэтому мы с ним часто говорим голосом по-русски, и я ему даже, кажется, доверяю. Вот и сейчас он загорается в телефоне зеленым, и я набираю... Прячусь сначала, конечно – из дому выбегаю в июльский вечер, чтобы не помешали.

– Привет, – я улыбаюсь телефону. Сергей там, где-то далеко. Меня не видит, но хочется мне думать, что как будто видит.

– Здравствуй, Танечка, – ласково произносит привычный уже голос, полный ласки, отчего мне всхлипнуть хочется. – Я подумал над твоим вопросом.

– Здорово... – шепотом отвечаю я, хотя свой вопрос уже и не помню.

– Завтра у тебя в школе будет психолог, – продолжает Сергей. – Запомни, на какие вопросы что нужно отвечать.

– И тогда что будет? – спрашиваю его, хотя и так собиралась послушаться.

– Тогда будет немного шума, но твоя жизнь должна измениться к лучшему, – он хмыкает как-то не слишком весело. – Хотя тебе бы маму, а не вот это все.

Вот тут я всхлипываю, но удерживаю себя в руках – ведь в любой момент найти могут. А он рассказывает мне о том, что будут спрашивать и как правильно ответить, при этом объясняя смысл каждого такого вопроса. Кто он такой и откуда все знает, мне неизвестно, но я сделаю так, как он сказал, потому что, если немцам будет плохо, меня это только порадует. Не-на-ви-жу!

Как-то все честнее было в России. Если били, то били, не любили, так не любили, а не притворялись на людях. Надо дядю Сережу расспросить, как правильно войну устроить, чтобы в детский дом не сдали. Не хочу я в тюрьму, а по слухам... В общем, не хочу. Сбежать бы...

Пора заканчивать разговор и идти в опостылевшую квартиру. Сегодня у «родителей» будет сюрприз, потому что я объявляю им войну. И за имя мое, которое они формально сменили, и за детство уничтоженное, и за отсутствие тепла. И за ложь их липкую, мерзкую, как они сами. За все!

– Грета, такое поведение недопустимо! – брезгливо сжав губы, сообщает мне «мать».

– Меня зовут Татьяной! Татьяной, ясно тебе? – ору я на нее. – Не вашей собачьей кличкой!

– Ты... Ты неблагодарное животное! – не выдерживает она, выдавая ту фразу, которую я ждала.

– Значит, я животное? А может, «унтерменш»? А? Чего замолчала?! – оскалившись, я ору у открытого окна, давая возможность окрестным бабкам меня послушать. Сплетничать они любят.

– Пошла в свою комнату! – кричит она, совершенно выходя из себя.

– Не пойду! И только тронь меня! Вовек не отмоешься! – я совершенно растворяюсь в крике, выпуская наружу свою ненависть.

Сначала «мать» прыгает ко мне, замахиваясь, при этом натывается на мою ухмылку. Ну да, при правильной подаче – уголовное преступление, а в меня она верит. Поэтому, не найдя выхода, выбегает из квартиры, громко хлопнув дверью. Еще чего интересного покричать, пока бегаешь? Нет, наверное, не буду, а то пережму и ничем хорошим это не закончится.

Что мне было нужно, она сказала – назвала меня животным. Теперь я за это именование уцеплюсь намертво, и посмотрим, чего они попробуют добиться. Война так война, а первый бой я выиграла. Литературу я внимательно прочитала, в интернете много чего лежит, поэтому аргументы есть, а убедить в чем-либо вбившего себе что-то в голову подростка вообще невозможно. Так в книге было написано.

Завтра в школу, надо взять с собой что-то для самообороны. Или наоборот? Порезать и подставить? Надо подумать, какой вариант лучший. Спасибо тебе, дядя Сережа, кто бы ты ни был, за науку. И за литературу тоже спасибо, потому что сама я бы не нашла ее ни за что – просто не знала бы, что искать, но вот сейчас я уже более готова. Куда «мать» поскакала, мне неизвестно, но вариантов у нее немного – или в полицию, или к «отцу». Домой хочу, да только нет у меня дома, не ждут меня нигде.

Вызов от «родителей» я сбрасываю. Сначала один звонит, потом второй, но я не беру, обижена я. Теперь буду обижаться в свое удовольствие. Они шокированы, конечно, ведь в первый раз я так срываюсь. Тихо ненавидящая их девочка вдруг зубы показала, есть чему удивиться. И как себя теперь со мной вести, они тоже не знают, что мне очень даже на руку.

Немецкий язык обладает множеством диалектов и сленгов, поэтому «неблагодарное животное» не обязательно означает именно это, но я интерпретирую так, как мне удобно. Мне бы хоть кого близкого, но нет никого и не будет, это-то я точно знаю. Кому я нужна? Даже себе не слишком, поэтому надо подготовиться на случай визита полиции. Только так, чтобы в детдом не забрали... Эти могут не посмотреть и никого не спросить, так что та еще лотерея.

Звонок с неизвестного номера. Ответить или не ответить? Подумав несколько мгновений, решаю поднять зеленый бегунок. Старательно изобразив жалобный голос, произношу в трубку:

– Да? – на лице моем улыбка, но по телефону этого не видно.

– Почему ты не берешь трубку?! – слышится оттуда агрессивный голос «матери».

А я вместо ответа прерываю звонок, добавляя этот неизвестный номер в список заблокированных. Теперь могут звонить до морковкиного заговенья. Жалко, что сейчас не война, взяла бы автомат и всех постреляла! Интересно, а я автомат в руках удержу? Выяснить это можно, если в городе у нас есть стрелковый клуб. Надо поискать, а пока перетаскать в свою комнату хлеб и колбасу... Или колбасу не надо? Решено, хлеб и воду. Если взломают дверь, то увидят замученного родителями ребеночка, и тогда посмотрим, кому будет хуже.

Строго говоря, немцы в тупике. Что со мной при таком поведении делать, они не знают, нет у них такого опыта. Надо же, вещь взбунтовалась. Я для них не человек и никогда им не была, а «детские деньги» раз в месяц и еще статус. Потому что «отец» своей должности не получил бы, если не было б меня. В определенных кругах Германия очень консервативна. В системе образования, например, по слухам, введенной еще теми, о ком говорить нельзя.

Так что вещь я для них, игрушка. И вот тут взбунтовалась вдруг... К психиатру могут потащить, кстати. Но у психиатра тоже есть свои нюансы, мне дядя Сережа рассказал. Если с психиатром не сотрудничать, то он ничего понять не сможет. А если ничего не может понять, то и сделать тоже, так что таскать меня по докторам бессмысленно. От психолога я просто отворачиваюсь – в детстве так было. Поэтому, наверное, меня в гимназию не пустили, хотя я хотела, но «мать» сообщила мне, что я туповата, понятно почему. Так бы и расстреляла их всех.

Я иду на кухню, где занимаюсь ужином в виде бутербродов и чая, при этом откладывая себе хлеб в сторону, а сама в окно поглядываю. Этаж у нас пятый, что позволяет надеяться увидеть подъезжающую машину, ведь немцы пешком почти не ходят. Вот я и ужинаю... Вос-

поминания о детстве сохранили кисловатый черный хлеб, и хочется его иногда до слез, но нет у нас такого, совсем нет.

Иногда тоска такая, что просто хоть волком вой, я уже и на таблетки согласна, но нет таблеток от желания дома и мамы, просто не придумали. Если бы не дядя Сережа, я бы и не выжила наверное – умерла бы от тоски. Он как папа, как я его себе представляла в детских мечтах, готов ответить на любой вопрос и всегда для меня есть, даже ночью. Помню, когда мне захотелось хоть с кем-то поговорить... Подъехали, вижу черный «Пассат» этого, который «отец», надо быстро в комнату и запереться!

Спустя минут десять в дверь кто-то стучит. Сначала негромко, затем все сильнее. Можно шумоподавляющие наушники надеть, но я пока не буду – может проскочить информация. Но информации нет, только крики о том, что я пожалею, и стук, по-моему, ногами. Тогда я встаю, подхожу к двери и ровным, спокойным голосом сообщаю:

– Вы мне мешаєте делать уроки, – главное, не смеяться, думаю я, сосредотачиваясь на том, что говорю. – Если будете стучать, я вызову полицию.

Тот факт, что полиция отреагирует, им еще как известен, потому с той стороны двери у нас занавес, а я спокойно занимаюсь тем, чем и до этого – листаю ленту новостей. Пароль у меня на телефоне – ругательная фраза по-русски. Дядя Сережа сказал, что немцы так не умеют, что в ту войну очень помогало при идентификации. Он вообще очень много о прошедшей войне рассказывает, его очень интересно слушать, потому что такое нигде не расскажут. Особенно в школе – ни о Ленинграде, ни о концентрационных лагерях. Поэтому я слушаю.

Древность. Подсказка

Утром «родители» уезжают на работу, не потрудившись меня разбудить, но у меня есть свой будильник. Учитывая, что мне четырнадцать, в случае опоздания мне будет очень неприятно. Ну их предупредят, конечно... Мелкая месть, ни на что больше не способны. А нет, записка: «Ты лишена карманных денег». А карманные деньги – это и автобус, и питание в школе. Ладно... Хотят такую игру, будет им такая, что пожалеют.

Я натягиваю джинсы, потому что в юбку в нашей школе может залезть только сумасшедший. Особенно в моем случае. Хлеб я взяла, немного денег есть, ведь проездной мне не покупали, чтобы иметь возможность шантажа и наслаждаться моим унижением. В точности как в той статье о немцах. Действуют они теперь по-другому, но не отличаются ничем. Дай им волю, они бы меня избили, да нельзя им сейчас, тюрьма за это светит. Впрочем, другие методы всегда найдут, недобитки...

Я отправляюсь в школу с тяжелым сердцем. Прогулять нельзя – с полицией искать будут, поэтому придется идти на эту каторгу. Спускаюсь, вежливо раскланиваюсь с соседями, но меня останавливает фрау Бригитта с первого этажа. У нее цепкий, внимательный взгляд, полностью седая голова, а сама она всегда в сером платье ходит. По-моему, в одном и том же, годами.

– Таня, – трудно ей мое настоящее имя произносить, – подожди, я отвезу тебя на своей машине.

– Спасибо... – я сильно удивляюсь. На машине – это я за полчаса приеду, то есть рано слишком.

У фрау Бригитты синий «Фольксваген гольф два», который выпустили лет тридцать, кажется, назад, но он еще бегаёт, и очень даже резво. Я забираюсь внутрь, сразу же пристегнувшись, затем грациозно усаживается и она, заводя древний, как мамонт, транспорт. Мы выезжаем с нашей улицы, проезжаем еще немного, потом только она начинает говорить.

– Тебе душно в Германии, ребенок, – мягко сообщает мне фрау Бригитта. – Ты не приняла нас, потому что твои опекуны не любят тебя.

– Мне здесь плохо, – киваю в ответ, вздыхая. – Но там у меня тоже никого нет. Я никому не нужна, фрау Бригитта.

– Я посоветую твоим опекунам специалиста, – она не называет их родителями, что еще интереснее. – Не сопротивляйся этому визиту. Возможно, у него будет рецепт. И обращай внимания не на слова, а на их смысл.

– Спасибо, – благодарю я совершенно не обязанную мне помогать женщине.

– Иди, ребенок, и да поможет тебе Бог, – она крестит меня, показывая на дверь, а я обнаруживаю, что доехала до школы. – После уроков приходи, расскажу тебе интересную историю.

– Обязательно! – обещаю я, вспомнив, что сегодня пятница. Значит, только до обеда выдержать, а потом... Потом никому не попасться – и домой.

Я прощаюсь и медленно иду в сторону школы. Как там в той книге было... Стараюсь перейти на шаг, о котором писалось, чтобы тихо ходить и при этом все слышать. Интересно, кто такой этот дядя Сережа... Надеюсь, однажды я узнаю, а сейчас я стараюсь идти мягко, осторожно, медленно входя в школу. Прокрадываюсь мимо не замечающих меня школьников и со всех ног взлетаю на наш этаж. Действительно сегодня будто и не заметили – ни обзывательства, ни попыток схватить за выпуклость, будто и не увидели совсем. Хороший метод, мне нравится.

Точно так же прокравшись в класс, сажусь на свое место – у стенки, чтобы никто сзади ничего в волосы не кинул и не схватил за что не надо. Волосы у меня короткие. Я-то длинные хотела, чтобы коса была, но кого волнуют мои желания? Поэтому пока приходится терпеть так. Но метод-то точно работает, ведь не заметили меня школьные гады, а вчера буквально к

стене прижали, и... Ну и рассказали, где мне место и как я должна себе на хлеб зарабатывать, пока били.

– Внимание, класс! – резко выкрикивает фрау Митковски, отчего подпрыгивают все, по моему. – Сесть! Сейчас вы будете отвечать на вопросы!

Не любит она нас, это сразу заметно, и обгавкивает, как овчарка буквально. Ненавижу я этих людей, так бы... Но тюрьма меня пока пугает больше, поэтому не делаю ничего. В это время в класс входит улыбчивая дама в строгом костюме. Возможно, это именно та, что опрашивать будет, поэтому я на всякий случай опускаю голову, глядя на нее из-под опавшей челки.

– Здравствуйте, дети, – как-то очень фальшиво произносит она. – Сейчас я раздам вам бланки с вопросами, вы на них ответите, а потом я буду говорить с каждым.

Вот теперь наши напрягаются, пытаюсь понять, что случилось. Я бы тоже занервничала, но дядя Сережа мне уже все объяснил, поэтому я спокойна, насколько это возможно. Накручивать я буду себя потом, а сейчас надо внимательно вчитаться в вопросы... Передо мной оказывается лист бумаги, и я сразу же наклоняюсь к нему. Да, все именно так, как дядя Сережа рассказал. Значит, и отвечать буду так же...

Быстро пометив ответы, я поднимаю палец, старательно им дрожа, чтобы показать, что я готова. Мгновение – и эта дама, так нам и не представившаяся, оказывается рядом. Я сжимаюсь, будто бы от страха, а она просматривает мои ответы, чему-то хмыкнув, что ли.

– Очень хорошо, – с каким-то удовлетворением в голосе. – Пойдем, поговорим.

И вот тут я представляю, что я и есть та девочка из Саласпилса, которую мучили. Я очень хорошо воображаю, что меня сейчас будут бить, а потом убьют, чтобы сжечь. Или просто сожгут живьем. На воображение я никогда не жаловалась, поэтому к моменту, когда мы с ней подходим к двери другого класса, сейчас пустого, основная моя эмоция – это ужас. Она заводит меня в класс, но ничего не говорит, а обходит вокруг, заходя сзади. И вот в этот момент я, уже хорошо все вообразив, складываюсь в компактный комок на полу, стараясь закрыться руками.

– Вот так вот? – удивляется она, наклоняясь надо мной. – Что с тобой?

– Не надо... Не надо... Не надо... – пишу я, скованная воображаемым, но тем не менее ужасом. – Я все сделаю, только не надо...

Через десять минут в школе присутствует полиция и «отец», к которому я кидаюсь будто бы в поиске защиты, что полицию озадачивает. А вот наши учителя становятся цвета стен – их опыта хватает, чтобы понять, что именно это значит. Я же играю от всей души, уже и сама верю, что меня сейчас будут убивать. Полицейские смотрят на ставшую очень суровой даму в костюме, а та рассматривает учителей. Как будто они звери какие-то, вот так она смотрит.

– Значит, не просто травля... – задумчиво произносит она. – При этом нам она не доверится... Хорошо, увозите ребенка пока домой, будем разбираться.

В автомобиле «отца» я вполне спокойна, только улыбаюсь несколько мрачно. Он догадывается, что это был театр, но учитывая, что в него поверила полиция, ничего сделать не может.

– И зачем? – интересуется он, паркуясь у дома.

– Ненавижу вас всех! – шепотом выплевываю я, чем явно его пугаю.

Фрау Бригитта вздыхает, глядя на то, как я обнимаю руками кружку чая. Это действительно кружка, причем металлическая. Мне она нравится, что-то в ней хорошее, как мне кажется, – хотя что может быть хорошего в обычной кружке? Но мне комфортно, а фрау Бригитта снова вздыхает, положив передо мной то, что снилось ночами, чего мне очень хотелось, что достать здесь невозможно – кусочек черного хлеба.

– Немцы изменились, Таня, – негромко произносит она. – Вот только для меня это не значит ничего, и для тебя тоже, ведь так?

– Ненавижу их... – всхлипываю я.

– Ненавидишь, – согласно кивает она. – Как и я... Тебя не приняли в душу, и ты стала волчонком. Я бы взяла тебя, но мне не дадут, стара я очень. Того и гляди помру, на радость этим палачам. – Вот тут у нее в голосе ненависть прорезается, я чувствую.

– Вы видели ту войну? – интересуюсь я, пытаюсь понять ее.

– Я расскажу тебе о Коминтерне, ребенок, – медленно произносит фрау Бригитта, не отвечая на мой вопрос. – Слушай.

Оказывается, ее родители были коммунистами, но не просто, а советскими разведчиками, ну или где-то так. Их поймали и бросили в лагерь смерти, и ее вместе с ними. Фрау Бригитте было два года, и многого она не помнит, но даже то, о чем она рассказывает, заставляет меня плакать. Я никогда не буду немкой, потому что они звери, просто звери, и всё.

– В понедельник ты отправишься со своими опекунами, – второй раз она не называет «родителей» таковыми, значит, действительно понимает, – к доктору Кристоферу. Я с ним уже говорила и объяснила ситуацию. Соглашайся на то, что он предложит, но покажи сопротивление, чтобы они ничего не заподозрили.

– Вы что-то знаете, – прищуриваюсь я, потому что так не бывает просто.

– Его дед спасал евреев от гестапо, – негромко произносит она. – Он тебя хорошо поймет, девочка.

– А при чем здесь евреи? – не понимаю я, и тут, видимо, приходит время еще одного урока.

Нас, оказывается, совсем ничему не учат в школе, что касается истории, просто совсем. А может быть, немцы хотят повторить все то же самое? Ведь то, как ко мне относятся в школе, может прямо говорить об этом, и тогда я в опасности. А вдруг они теперь будут считать, что нужно уничтожить таких, как я?

От этой мысли мне становится очень не по себе. Несмотря на быструю реакцию полиции, на то, что меня не тронули, я теперь их не только ненавижу. Ведь что мешает немцам опять концлагерь организовать? И теперь не мучить, а просто убивать. Вот такой коридор, и камеры, где сжигают высокотемпературным пламенем прямо живьем...

– Тише, тише, – хлопает меня по щекам фрау Бригитта. – Что ты себе подумала?

– Представила, что меня... – тихо признаюсь я, открывая глаза на ее диване, на что она только вздыхает.

– Давай договоримся так, – она на мгновение задумывается. – Если будет совсем невмогуту, я тебе дам адрес и телефон одного человека, а он уже тебе поможет.

– С чего вдруг ему помогать мне? – я удивлена, даже очень.

– Потому что я его попрошу, – улыбается фрау Бригитта. – Не бойся.

Я не боюсь, на самом деле, уже. В душе появляется какая-то уверенность, но когда я иду домой, то внутренне готова к бою. Отобрать у меня телефон у них не выйдет – если «родители» залезут в трусы, куда я телефон свой спрятала, то я такое устрою, что одной тюрьмой дело не обойдется. «Отец» это не может не понимать, поэтому вряд ли решится.

Дома меня старательно игнорируют. Фрау Бригитта меня покормила, поэтому я запираюсь в своей комнате, сжимая в руке подарок – кусок черного хлеба, от запаха которого становится спокойнее на душе. Перед сном связываюсь с дядей Сережей, описывая ему все со мной случившееся. Он отвечает спустя несколько минут, похвалив, отчего у меня улыбка на лицо сама лезет. Хорошо, что он есть.

Суббота проходит без приключений, как и воскресенье. Я просто сижу у себя, забаррикадировав дверь. Уроки делать не хочу. В школу я ходить обязана, а вот учиться вовсе нет, так что будет война. Но такая, чтобы никто не догадался. Надо еще придумать каких-нибудь пакостей для учителей и учеников, чтобы ходили и оглядывались. Очень мне рассказ о партизанах понравился, почему бы в школе такое не устроить? Немцев мне совершенно точно не жалко.

А вот в понедельник утром меня почти силой сажают в машину и везут совсем не в школу. Если бы не фрау Бригитта, я бы испугалась, но сейчас абсолютно спокойна. Я доверяю ей, ведь она очень хорошо меня поняла. Да она сама такая! Она ненавидит немцев всей душой, зачем-то живя среди них! А я не хочу... Видеть их не хочу, слышать их не хочу, даже одним воздухом дышать!

– Что, решили сдать «недочеловека» на опыты? – зло интересуюсь я.

– Это доктор! Доктор! – восклицает «мать».

– Менгеле тоже был доктором, – усмехаюсь я, глядя на враз побледневшую «мать». – Или ты не знаешь, кто такой «черный ангел Аушвица»? Знаешь...

– Откуда ты... – начинает она и осекается, ведь я на нее смотрю, не скрывая моей ненависти. И это ее пугает, но тут «отец» выдергивает меня из машины и силой ведет куда-то.

Интересно, а если я сопротивляться начну? Орать что-нибудь веселое? Не знаю. Пока я выбираю вариант мести, оказываюсь в приемной. Девушка из медсестер смотрит на меня, а я отвечаю ей взглядом, полным страха, научилась уже почти мгновенно переключаться. Девушка становится серьезной, она поднимается, быстро отправляясь в кабинет врача.

Спустя несколько минут и я оказываюсь там же. Обычный кабинет – все бело-зеленое, вещей минимум, на столе модель мозга находится, компьютер, еще удобные стулья и сам доктор, внимательно смотрящий на меня. Я же представляю, как в школе: что он меня сейчас бить начнет или что еще хуже сделает. Доктор усмешается, покивав мне.

– Верю, – сообщает он. – Просто с ходу верю. Пока можешь маску снять и кратко рассказать, в чем дело. Бригитта говорит, ты ненавидишь немцев. А мотив?

И вот тут меня прорывает. Я рассказываю ему о мечтах ребенка, об отношении ко мне в школе и дома, о том, что я для них не человек, а так, вещь на уровне старого пылесоса, который никому не нужен, но выкидывать долго и никому не нужно. Врач слушает очень серьезно, переспрашивая отдельные моменты. С каждым новым моим словом он становится все более хмурым, но не прерывает.

– Я тебя понял, – кивает он в конце. – Тебе нужно на Родине побывать, потому что иначе ты начнешь немцев просто резать, а нам этого не надо. Марта! – зовет он кого-то. – Пригласи-ка мне опекунов девушки.

Древность. Дядя Сережа

Почему мне помогают, я не знаю. Просто не представляю себе, что именно происходит, но психиатр напугал «родителей» так, что они уже на все готовы. Держатся от меня подальше, и смотрят с брезгливостью... Или со страхом? В любом случае, доктор был очень любезен с ними, посоветовал самим меня не сопровождать. Чтобы я поняла, каково это. Ну они себя чувствуют великими родителями, вот и согласились. Связались с кем-то...

– Доктор дал тебе освобождение от школы на две недели до каникул, – сообщает мне «мать». – Это время ты проведешь в своей комнате, неблагодарная грязь.

– Вы все наци! – выплевываю я. – Ненавижу!

– Пошла вон! – визжит она, и я ухожу.

С одной стороны, это хорошо – в школу не надо ходить, но вот с чего вдруг такая доброта? Может, убить меня решили? Усыпить бдительность поездкой в Россию, а сами... Или замучить? Не знаю. Я забиваюсь в свою комнату, запираясь в ней. При этом, насколько я знаю, происходит оформление. Не знаю, какое именно, но мне главное, что меня не трогают совсем.

Ситуация, если подумать, у нас тупиковая, при этом «родители» не выкидывают, что сложно, но возможно, не сдают в... И вот стоит мне подумать о психушке, как до меня доходит. У нас в стране то, что врач сказал, топором не вырубешь, а психиатр утверждает, что часть вины в родителях, рекомендуя при этом и их обследовать. И если они поднимут волну... Короче, понятно. Вот потому и не трогают, а на исходе второй недели приезжает «сопровождающий».

– Не беспокойтесь, – слышу я громкий голос, который узнаю и из тысячи, потому что это дядя Сережа. – На коленях будет умолять простить ее.

– Очень хорошо, – радуется «мать». – Вот ее документы, можете забирать.

Я отпираю дверь, понимая, что радоваться нельзя, вряд ли дядя Сережа им рассказал, что давно знает меня. И действительно – стоит мне выглянуть, он сразу же ловит мой взгляд, ведь в лицо я его знаю. Кроме лица на дяде Сереже обнаруживается густая, но абсолютно седая шевелюра, внимательные серые глаза и дымчатые очки. Он высокий и одет в черный костюм. Снимает очки, подмигивая мне, на что я киваю. Понятно все – театр будет.

– Ты! – вытягивает он руку в мою сторону. – Быстро собрать вещи, а не то пожалеешь!

– Как вы смеете со мной так разговаривать! – я поддерживаю его, надеясь, что это игра, а не что-то другое. Но мне все равно просто уже...

– Меня не интересует твое имя, маленькая дрянь, – спокойно произносит он. – Я сопровожу тебя до самого гнилого места той дикой страны, откуда ты на карачках уползешь, лишь бы вернуться в нашу Германию!

Я вижу, что «мать» просто наслаждается представлением, и решаю закончить поскорее. Я доверяю дяде Сереже. Если он ведет себя подобным образом, значит, так надо, и нужно быть послушной девочкой. Но еще и чтобы «эти» ничего не заподозрили, потому что им знать о моем отношении к нему необязательно. Но вот что интересно – как он оказался тут? Ведь во всем со мной произошедшем как-то слишком много совпадений. Обязательно спрошу, а пока я собираю вещи в варианте «быстро покинуть в чемодан», а потом разберемся. В это время дядя Сережа разливается соловьем, рассказывая, что вернет меня шелковой и вообще... При этом у него документы вообще не спрашивают. Это самое странное, получается, так рады от меня избавиться, что и не думают ни о чем.

– До свидания, Грета, – усмехаясь, говорит «мать», а «отец» просто смотрит, как на что-то грязное.

– Будьте вы прокляты, – отвечаю я им. – Давай, веди меня, фашист! – рычу я на дядю Сережу, надеясь, что не обижу его.

Он обходится со мной грубо, да так, что слышат все. При этом рассказывает, что со мной сделают за мое поведение, как я буду долго жалеть и что мои «родители» все бумаги подписали, поэтому спасения нет. Я стараюсь не улыбаться, потому что после такого концерта, если я исчезну, этим мало не будет. Внизу же нам навстречу выходит фрау Бригитта.

– Береги себя, Танья, – негромко произносит она, затем смотрит на дядю Сережу, а тот кивает. – Значит, через неделю... – в ее глазах предвкушение.

Я совершенно не понимаю ее, но благодарю, конечно, как же иначе. Все происходящее мне кажется совершенно нереальным, а тем временем дядя Сережа выводит меня, усаживая в зеленый «кубик», сам усаживается на водительское место и запускает двигатель. Включается магнитола, из которой неожиданно звучит песня на русском языке, но при этом я ее никогда не слышала. Женский голос провожает кого-то на бой, а я отчего-то всхлипываю.

– Здравствуй, Танечка, – ласково, как всегда, произносит дядя Сережа, вырвав на центральную улицу. – Ты большая умница. Можешь расслабиться.

– Ты же играл? – неожиданно даже для себя спрашиваю я.

– Я играл, маленькая, – очень ласково произносит он. – Мы сейчас едем в гостиницу, а завтра в аэропорт.

– Ага... – киваю я, все еще ничего не понимая. – А почему?

– Я расскажу, – обещает он, и я плачу.

Вот теперь я плачу, потому что устала уже очень сильно, но он не мешает мне плакать, только кнопку нажимает, отчего вниз по стеклу бежит шторка полупрозрачная, закрывая меня от людей. Автомобиль тем временем, сыто рыча, выскакивает на автобан, моментально набрав очень серьезную скорость. Дядя Сережа под двести километров в час выжимает, я вижу спидометр со своего места. Мне кажется, он спешит, но вопросов не задаю, чтобы не отвлекать его, все-таки скорость огромная.

Мне, конечно, очень любопытно, но при этом я себя спокойнее чувствую, достав телефон. Надо будет, наверное, ему память подчистить или что-то еще сделать, чтобы не восстановили, ведь, насколько я понимаю, обратно я не вернусь – просто не заставят. Вряд ли русский детский дом будет хуже «этих». Хотя бы все свои... Думаю, дядя Сережа мне все расскажет, а что не расскажет, расспрошу. Пока же надо просто ждать сведений со стороны.

Вот интересно, а если он ко мне в доверие втерся, а сам хочет использовать для всяких нехороших штук? Вариантов много, конечно, но я в них не верю. За то, что первым в голову приходит, может быть очень нехорошо всем вовлеченным, и вот прямо так рисковать никому не надо. Кроме того, машина у него дорогая, а значит приметная, да и таких танцев на ровном месте не устраивают. Значит, я что-то не понимаю и мне рано или поздно объяснят. Дядя Сережа меня к этому приучил, так что буду ждать, все равно больше заняться нечем.

Номер, получается, двухкомнатный у нас. Дядя Сережа позволяет мне кинуть вещи, а потом уже приглашает с собой. Учитывая, что в гостинице я зарегистрирована как его дочь, ситуация мне кажется все более интересной. Но именно такая регистрация позволяет дяде Сереже меня на людях обнимать, например, и вообще заботиться... Мечтательница я, да?

– Садись, Танюша, – вздыхает дядя Сережа, показывая на кресло. – Сначала поговорим, а потом будем молодой растущий организм кормить.

– Ага, – киваю я, усаживаясь куда сказано.

– Зовут тебя Таней, фамилия – Шестоперова, – произносит он. – Именно так мы завтра полетим в Россию и там уже будем говорить. Тебе надо будет принять решение.

– Какое? – удивляюсь я.

– Об этом позже, – качает головой дядя Сережа. – Сейчас важно попасть на Родину. К своим опекунам ты больше не вернешься, а сейчас...

Он встает со своего места, обходит круглый столик, а затем присаживается рядом и просто обнимает. Это этого его жеста становится так необыкновенно тепло, что и слов нет. Вот от этого тепла, кажется, первого такого в моей жизни, я пускаю слезу. Просто не могу не заплакать, потому что мне не хватает объятий. Даже очень сильно не хватает, как оказывается...

– Я предполагаю ответ, но не могу не спросить, – негромко произносит он. – Ты точно не готова жить в Германии? Если хочешь остаться, мы что-нибудь придумаем.

– Я их ненавижу, дядя Сережа, – отвечаю я сквозь слезы. – Так, что сильнее, кажется, и невозможно.

– Тогда Танюша сейчас доплачет, и пойдем ужинать, – информирует он меня. – Через недельку у твоих опекунов возникнут забавные проблемы. Бригитта отомстит от души.

– Фрау Бригитта такая добрая... – вздыхаю я, а он только по голове меня гладит.

– Пойдем, маленькая, – от доброты его голоса меня опять поплакать тянет, даже непонятно, что со мной.

Дядя Сережа ведет меня в ресторан пятизвездочной гостиницы, держа за руку. Он разговаривает со мной очень ласково, но при этом называть его папой мне почему-то не хочется. Мне кажется, он не просто так это делает и приключения мои только начинаются. Но лучше любые приключения, чем эта страна, от тюрьмы совершенно не отличающаяся.

– Выбирай все, чего хочется, – кивает он мне на меню, когда предупредительный официант проводит нас к столику. – Ограничений по цене нет.

– Совсем? – удивляюсь я и более смело открываю меню.

– Совсем, – улыбается мне дядя Сережа. – Хорошенько наешься и десерт не забудь.

– Спасибо... – я ощущаю себя просто в сказке.

Он наверняка хочет, чтобы я расслабилась, не ожидала нападения в каждый момент, а я жду, потому что привыкла уже. Значит, сегодня буду пировать, помня о десерте. Итак, для начала закажу вот это странное блюдо, о котором известно, что оно с рыбой, а потом... Я прохожусь по меню, обращая внимание на вес еды, поэтому набираю не так много, но именно то, чего никогда не ела. И когда подходит как-то почувствовавший, что я готова, официант, рассказываю.

Дядя Сережа отгарабанивает свой заказ, затем что-то еще добавляет, и официант уносится прочь. Я не знаю, можно ли здесь разговаривать, поэтому молчу. Мало ли кто наши тайные планы подслушает? Чувствую себя, как в каком-нибудь фильме, не иначе, но сижу тихо.

– Задавай свои вопросы, – поощрительно кивает дядя Сережа.

– А кто ты? – по-моему, это самый важный мой вопрос.

– Человек, – пожимает он плечами. – Не самый бедный, к тому же у меня есть связи, и я заинтересован в том, чтобы ты добралась до конечной точки.

– Значит, важные разговоры только там? – интересуюсь я.

– Не только, – качает он головой. – Но раз ты так не любишь немцев, то у тебя будет выбор. Я не стану тебя ни к чему принуждать.

– Спасибо... – тихо благодарю я его, и тут приносят наш заказ.

Я ем очень вкусное нечто, выглядящее как розовые полоски в листьях салата, а сама думаю о своем доверии. Ведь я ему с ходу верю, его ласке, объятиям... Но не должна же вроде? Или я просто так устала от этой страны, что согласна на что угодно, лишь бы оказаться как можно дальше от Германии. Скорее и первое, и второе вместе, потому что мне потихоньку становится все равно.

Доев, получаю мороженое. Заказала я именно его, потому что обычно мне десерта не достается. На карманные деньги его просто не купишь, мне есть куда их девать, а «родители» за восемь лет не снизили ни разу, даже, когда я очень просила, будучи маленькой. Вот я и наслаждаюсь сейчас таким редким лакомством, думая о том, что будет дальше.

– Вот и умница, – кивает мне дядя Сережа, о том, что мороженое я ем третий раз в жизни, осведомленный.

Я благодарна ему за то, что он просто был, но ни разу не предложил мне помочь деньгами. Я и отказалась бы, да и общение наше после этого завершилось бы, вне зависимости от его побуждений. И вот сейчас я ем мороженое, но совсем не желаю оттолкнуть дядю Сережу. Растягивая на подольше, смакую, полузакрыв глаза, и по-моему, вообще в своих мечтах нахожусь.

Но все когда-нибудь заканчивается, поэтому я, обливав в последний раз ложечку, кладу ее в вазочку, которую тоже очень хочется вылизать, но нельзя. Некультурно это и наверняка подставит дядю Сережу. Оттого, что лакомство закончилось, мне даже плакать хочется, но я сдерживаю себя.

– Вот же звери, – вздыхает он. – Пойдем в номер, а завтра еще будет.

Я иду с трудом, явно по причине непривычного мне обжорства, но при этом настроение очень хорошее. Я впервые объелась от пуза просто, а еще у меня сегодня мороженое было! Дядя Сережа меня мороженым угостил! Большущая, просто огромная порция, неведомо как в меня поместившаяся. Этот факт заставляет меня улыбаться и надеяться на лучшее.

Просто надеюсь на то, что все плохое закончилось, хоть и понимаю, что это не так. Скорее всего, ждут меня приключения, и непростые. Вот если мы в Россию как-то необычно полетим, тогда точно непростые приключения ждут. Значит, завтра получу косвенные ответы на свои вопросы, а когда прилетим – совершенно точно, и прямые. Но что именно от меня может быть нужно? Ведь я сирота, у меня ничего нет, кроме разве что меня самой, но для этого в Россию взять меня бессмысленно. Значит, это не органы и не публичный дом, а что? Любопытно очень!

– Ты сейчас ложись спать, – произносит дядя Сережа. – На полный желудок мыться вредно, а утром все равно будет надо, потому что надо тебя переодеть.

– Чтобы я на себя не походила? – удивляюсь я.

– Чтобы ты походила на дочь богача, – хмыкает он. – Все вопросы потом, договорились?

– Договорились, – киваю я, отправляясь в выделенную мне комнату с огромной просто кроватью и телевизором, который мне неинтересен.

Засыпая, я думаю о будущем.

Древность. Путь на Родину

Просыпаюсь я легко, хотя сны у меня были странными – как будто я хотела расстрелять всех моих немецких знакомых, кроме фрау Бригитты и того психиатра, а «родителей» просто в первую очередь. А они тянули руки вверх и молили их не убивать. Мне во сне очень хотелось всех расстрелять, чтобы даже следа от них не осталось, но я почему-то не решилась.

– Проснулась, – констатирует дядя Сережа, стоит мне только пошевелиться. – На стуле твоя новая одежда. Белье тоже. Никогда не понимал этой моды в ниточках ходить.

– Это эти... Они только стринги покупали всегда, – смутившись, объясняю я ему.

– Потому что они дешевле, – понимает он. – Или какие-то другие причины были?

Я не хочу отвечать на этот вопрос, потому что причины, разумеется, были. Но даже вспоминать не хочу, хотя формально это не преступление. Но только формально, на мой взгляд. Дядя Сережа все понимает, вздохнув и кивнув на выложенные вещи. Почему-то я уверена, что все мне впору, поэтому просто сгребаю и удаляюсь в ванную местную. Нужно душ принять, ну и вещи старые действительно выбросить. Незачем мне в этом ходить больше...

Действительно, все под мои размеры. Я впервые надеваю довольно длинное платье, при этом мне самой перед зеркалом все очень красивым кажется, еще и вышивка на белом платье кажется смутно знакомой. Но сначала, наверное, завтрак, а потом уже все остальное.

– Возьми, – дядя Сережа протягивает мне паспорт, только взяв который, я понимаю, что он не немецкий.

– Но как? – удивляюсь я.

– Ты гражданка России по праву рождения, – объясняет он. – Имеешь право на паспорт, остальное же дело техники.

– То есть задерживать не будут, – понимаю я.

– Задерживалка не отросла, – не очень понятно шутит дядя Сережа.

Я думаю, сильнее меня удивить нельзя, но у него получается – через некоторое время приходит официант, принося завтрак в номер: хлеб, колбасы, сыры и, видимо, специально для меня – большую порцию мороженого, отчего я всхлипываю. И забота такая, необычная, и вкуснота... И еще выходит, дядя Сережа держит свое слово даже в мелочах. Значит, получается... Ничего не получается пока.

– В самолете я расскажу тебе историю, – негромко произносит тот, о ком я думаю, попивая кофе, – ты обдумаешь ее, а когда сядем, примешь решение.

– Хорошо, – киваю я, понимая, что сейчас объяснений не будет. – А мои вещи?

– Разберемся, – вздыхает он. – Со временем мы угадали, хотя, может, и в прошлый раз так было.

Вот эта фраза мне совсем непонятна, но я помалкиваю пока. Дядя Сережа приучил меня к тому, что рано или поздно на все вопросы я ответы получаю, поэтому пока просто молчу, наслаждаясь прекрасным мороженым с нежным шоколадным вкусом. Как будто я вдруг получила все, о чем так долго мечтала. Приземленные у меня мечты – мороженое, шоколадка, одежда удобная, перебить всех немцев. Ненавижу их всех, просто слов нет, чтобы описать мою ненависть. Дали бы мне автомат, ни на минуту не задумалась бы.

– Да, увозить тебя надо поскорее, – кивает дядя Сережа, оценив мой оскал. – Допекли нашу красавицу.

– Эх... – я только вздыхаю, потому что сказать на самом деле нечего, ведь действительно допекли, тут он прав.

– Значит так, сейчас мы поедем в аэропорт, – бросив взгляд на часы, произносит он. – Веди себя нагло, как королева, а они все твои слуги. Паспорт протягивай спокойно, ничего не бойся, здесь никто тебе ничего плохого сделать не посмеет.

– Я бы им с радостью чего плохого сделала, – сквозь зубы отвечаю ему.

– У тебя будет такая возможность, – невесело усмехается дядя Сережа. – Одевайся.

Строго говоря, я одета... А, обувь – туфельки, выглядящие просто кукольными. Они очень удобные, как будто сделаны специально для меня. Хотя... Вполне и такое может быть, я уже верю и в это. Вздохнув, хочу уже взять чемодан, но дядя Сережа качает головой, просто выводя меня наружу. Мимо проскальзывает местный обслуживающий персонал, занимаясь вещами.

Я второй день ошарашена так, что даже сияющую позолотой и всю застеленную мягкими коврами гостиницу описать не могу. Впечатлений столько, что слова не идут, но, по-видимому, это не все сюрпризы и основные меня еще ждут. С этими мыслями я медленно, как во сне, выхожу из гостиницы, усаживаясь в поданный ко входу «кубик», пристегиваюсь и жду дальнейших команд.

Спустя некоторое время появляется дядя Сережа, он внимателен и сосредоточен. Усевшись за руль, сразу же вырывается со стоянки, отправляясь к аэропорту. Раз в год «родители» летают в отпуск, беря и меня с собой, поэтому аэропортов я навидалась. Не взять меня с собой они не могут – могут припаять отсутствие должного ухода, а это серьезный штраф. На них только деньги и действуют, ничего больше... Тьфу.

Мы подъезжаем, но, насколько я вижу, не к основному терминалу, а рядом. Остановившись на парковке, дядя Сережа выходит и кидает в какого-то сотрудника ключ, который тот ловко ловит, радостно улыбувшись. После этого дядя Сережа помогает выбраться и мне.

– Машина в аренду взята, – объясняет он мне. – Пойдем, нас ждут уже.

– А вещи... – я киваю на багажник, но он качает головой.

– Вещи тебя в самолете ждут, – объясняет мне дядя Сережа. – Посмотришь, что не понравится, выкинем.

Я уже было начавшая себе придумывать всякие ужасы, замираю с приоткрытым ртом. Он и об этом подумал, получается. А в вещах моих ничего важного нет. Единственная у меня личная вещь – это телефон с очень грубым паролем, который вскрыть им не удавалось, как ни старались. А потом я прочитала в законе о моем личном пространстве, и это прекратилось. Ненавижу!

Мы входим внутрь vip-терминала, судя по тому, что на нем написано. Дядя Сережа вальяжно идет вперед, я веду себя как на подиуме – видела разок, вот и подстраиваюсь. Впереди у нас стойка проверки документов, куда дядя Сережа протягивает свой паспорт.

– Мы с дочерью возвращаемся, – коротко произносит он по-немецки, на что пограничник просто молча шлепает штамп.

– Счастливого пути, – выдавливает он из себя. Ну да, паспорт-то не немецкий... Моя очередь.

Все в точности повторяется, при этом вопросов к нам нет никаких. Мы пограничнику не нравимся, он нам тоже, и понимает это, но сделать ничего не может. Богачи могут делать чуть ли не все, что угодно, а его в случае жалобы от кого угодно, пошлют собачий питомник охранять. Так что мы спокойно выходим и куда-то идем, такое ощущение, что прямо на поле. Да меня сейчас разорвет от любопытства!

Не скажу, что совсем не ожидала того, что происходит. Самолет у дяди Сережи частный. Насколько я понимаю, тоже в аренду взятый, потому что стюардесса себя ведет почти неотлично от обычных, то есть «много вас тут», хотя очень вежлива, конечно. Вещи я посмотрела и даже чуть-чуть повизжала от радости, поняв, что дядя Сережа все помнит, но теперь он попросил моего внимания.

– Лететь нам три часа, – начинает он с главного вопроса. – До Смоленска.

– Ага, – киваю я, потому что мне все равно куда.

– Я расскажу тебе историю, которую мне поведала бабушка, – продолжает он. – Итак, однажды, много лет назад...

И он принимается рассказывать о девочке, которая очень сильно ненавидела немцев, прямо как я, была обнаружена в лесу на оккупированной территории, но при этом в разведку ее было нельзя, потому что ненавидела она так, что это было заметно, ребенок же. О войне он почти не говорит, зато рассказывает о том, что было после – девочка выросла, у нее были дети, а затем и внуки, и вот внука однажды она и позвала.

– Незадолго до смерти бабушка позвала меня к себе, – рассказывает мне дядя Сережа. – Она начала не с войны, а с жизни одной девочки в Германии, которой было плохо, но у нее был дядя Сережа...

– Обо мне? – удивляюсь я.

– О тебе, – кивает он, вздыхая. – Мне понадобился год, чтобы найти тебя, хотя бабушка помнила город. Но я увидел: тебе действительно плохо, да и похожи мы.

– Значит, я окажусь... там? – продолжаю я удивляться. – И как?

– Не знаю, – качает он головой. – Но я постараюсь тебя подготовить, если захочешь, чтобы тебя не пугало, если ты окажешься там.

– Да нет, бред какой! – вот такого я точно не ожидала. – Не может быть!

Но он не переубеждает меня, не говорит ничего, только улыбается немного грустно, а я сначала возмущаюсь, но потом задаю себе один-единственный вопрос, в точности, как меня дядя Сережа и учил: «зачем?» Зачем ему меня обманывать? Хотел бы что-то неприличное сделать – и так сделал бы, он сильнее, а в то, что можно этому успешно сопротивляться, я не верю, так что... Зачем ему это нужно?

Допустим, он говорит правду. Тогда какой его мотив, кроме «помочь сиротинушке»? Я погружаюсь в размышления, еще раз прогоняю историю, мне рассказанную. Сто-о-оп! Ему это бабушка рассказала, значит, он, выходит, мой внук? Тогда все правильно, потому что не помочь действительно близкому – подлость, а я бы правильно детей воспитала, а они и внуков, я в это верю.

Допустим, он неправду говорит. Попытавшись найти мотив, ничего, кроме непонятого театра... Нет мотива. Но он может быть просто сумасшедшим, тогда мотива ему не надо. Могут ли психи себя так вести? Ладно, а потом что – убьет меня, как не оправдавшую надежд? Да и пусть... Нет ничего в моей жизни такого, чтобы я за нее цеплялась. Так что считаем рассказанное правдой.

Значит, я могу оказаться там, где немцы враги. Ну, если я с ума не сошла, но если даже и сошла, то им не легче. Так вот, немцы враги, и их можно убивать. А мне подходит! Даже очень, потому что ненавижу я их всех по максимуму. Зубами бы грызла, вот что, так что мне перспектива нравится. И я улыбаюсь, заметив кивок дяди Сережи. Он понял...

Самолет все летит, а предупредительная стюардесса приносит мне вазочку с большой порцией мороженого, залитого просто шоколадом! Я даже взвизгиваю от неожиданности. Обернувшись на дядю Сережу, ловлю его ласковую улыбку, и благодарю, конечно. Я за два дня съела больше сладостей, чем за всю мою жизнь. Очень долго единственной сладостью был хлеб с маслом, посыпанный сверху сахаром. Этот рецепт я в книжке одной вычитала, попробовала как-то, и понравилось мне очень, тем более что за сладкое я была на многое готова, чем «эти» и пользовались.

Наслаждаюсь лакомством, понимая при этом разницу между «родителями» и дядей Сережей. Но если он знал, что я – его близкая, то фрау Бригитта же просто так ко мне хорошо отнеслась? Или не просто так? Надо спросить! И я поворачиваюсь к дяде Сереже, обливав в очередной раз ложку.

– Дядя Сережа, а фрау Бригитта, почему она так?.. – интересуюсь я, зная: он поймет вопрос.

– Когда-то очень давно она жила в жутком месте, – вздыхает он, глядя, кажется, куда-то в бесконечность, но точно не на меня. – И однажды, весенним днем, все палачи вдруг исчезли, а ее взяли на руки. Русская девушка прижала фрау Бригитту к себе, выхаживала, делилась с ней теплом. Разве могла она иначе отнестись к русской, над которой издеваются?

Возможно, этой русской была я и она меня просто узнала? Но почему психиатр ко мне так, я спрашивать не буду. Ветераны, особенно узники, они в тесном контакте, потому она, наверное, просто попросила. Но это может значить, что от меня многое зависит. Не история, совсем нет, а вот... И я возвращаюсь к мороженому, уже все для себя решив.

Правда или нет рассказанное мне, но если да, то я смогу безнаказанно уничтожать тех, для кого я ниже животных. И я хочу! Я хочу уничтожить их, как крыс, как тараканов, чтобы как можно меньше смогли потом брезгливо смотреть на такую, как я. Я злюсь и злюсь очень сильно, но разве у меня нет повода? По-моему, поводов даже больше, чем достаточно, поэтому я готова!

Самолет начинает снижаться, а я смотрю в окно. Почему Смоленск, дядя Сережа не объяснил, но, видя сверху много лесов, я понимаю – там спрятаться можно. Спрятаться и... Хотя и кажется мне все это фантастикой, но я верю дяде Сереже, он меня никогда не обманывал, поэтому, наверное, и сейчас нет. Значит, посмотрим...

Пока я размышляю, наш самолет касается земли и куда-то едет, но я сижу спокойно, потому что команды вставать не было. Тут дядя Сережа главный, он разберется. Если подумать, то в то, чтобы меня сюда привезти, очень большие деньги вложены, так что вряд ли это вранье все, как мне подумалось, тут что-то другое.

– Выходим, – спокойно произносит тот, о ком я думаю, как только самолет останавливается. – Машина у трапа. Вещи я возьму.

– Хорошо, – киваю я, поднимаясь на ноги и сладко потягиваясь. Давно в платье не ходила... Небезопасно это – и в школе, и дома.

Впрочем, Германия, я верю, стала историей, поэтому надо привыкать к России и слушаться дядю Сережу. Поэтому я спокойно следую на выход, увидев в конце необычное, но явно военное... нечто. Четыре колеса, клиновидный нос, зеленая вся... машина. И как в нее садиться?

Древность. Учеба

Машина зовется «бардак», и внутри она просто огромная, хоть и подчеркнута военная, по-моему, но дядя Сережа объясняет, что это самый лучший тут транспорт и совершенно точно самый безопасный. Отчего так, я не знаю, но помалкиваю, потому что меня не спрашивали. Сажу в кресле, на голове шапка с ушами ребристая, окон почти нет, поэтому плююсь в телефон, просматривая новости. Интернет здесь как раз есть, что хорошо, и мне ничто не мешает смотреть новости, ну и в чат наш заглянуть... Только не хочу почему-то.

Тут «бардак» останавливается, дядя Сережа помогает мне вылезти, после чего машина, ведомая, кстати, военным, уносится прочь, утробно при этом рыча, а мы идем к дому. Я оглядываюсь, стараясь при этом не упасть. Мы находимся в деревне, да только, по-моему, тут никого нет – пять или шесть домов покосившихся, кроме одного, к которому мы идем.

– Эту деревню мы восстановили на месте уничтоженной нацистами, – объясняет дядя Сережа. – Дом, пригодный для жизни, только один. У нас есть два месяца, чтобы подготовить тебя, а затем ты каким-то образом окажешься там.

Мы останавливаемся, а я рассматриваю свое новое обиталище – деревенский одноэтажный дом, окрашенный голубой краской, с белыми окнами и серой дверью. Еще фигурные вырезки заметны, и... и все. Я киваю в ответ дяде Сереже, делая шаг к дому, затем еще один, и еще...

– Ты научишься жить в деревне, – продолжает он свою речь. – В начале октября мы простимся. В начале ноября я приеду, и если перехода не будет, то подумаем, согласна?

– Согласна, – отвечаю, благодарная за то, что спросил.

Внутри дом выглядит довольно большим – печка, узнаваемая по мультфильмам, стол, скамейки... Дальше видна еще одна дверь, сейчас закрытая. Я же просто осматриваюсь, готовясь задать свои вопросы. Все выглядит очень, я бы сказала, аутентично. Дядя Сережа пока устраивает мои вещи, а потом показывает на скамейку, отчего меня перередеживает.

– Садись, а не ложись, – вздыхает он. – Тебя же не били, откуда такие реакции?

– Бить не всегда обязательно, – качаю я головой. – Можно я не буду рассказывать?

– Можно, – кивает он и хмурится. – Марья! – зовет кого-то дядя Сережа. – Подь-ка сюда!

– Иду! – доносится до меня, и лишь потом открывается закрытая ранее дверь.

Я моментально разворачиваюсь в ту сторону, готовая защищаться, если что. На пороге появляется женщина, что логично, одетая в похожее на мое платье. Оно сероватое, по-моему, на нем цветочки, вышивка всякая, мне не слишком понятная. Взгляд синих глаз ее суров, отчего я отступаю спиной к стене, ведь страшно мне сейчас очень. А вот голова у нее в платке, но отмечаю я это как-то краем мысли, потому что совершенно внезапно оказываюсь в ее объятиях.

– Сергей, кто такое с ребенком сделал? – спокойным голосом интересуется Марья.

– Все те же, что и много лет назад, – вздыхает он.

А потом она его просто выгоняет. Просит погулять, пока мы секретничать будем. И дядя Сережа сразу же слушается, выходя за дверь, что меня сильно удивляет. Но я до поры молчу, потому что просто не знаю ничего. Марья же обнимает меня, отчего я успокаиваюсь. Не сразу, но постепенно успокаиваюсь, и вот только тогда начинается разговор.

– Сережа считает, что ты как-то окажешься в сорок первом году, – произносит она. – Но тебя там просто убьют, и все. У тебя нет привычки носить тамошнее белье, да и с одеждой проблема сплошная. Ты неправильно говоришь, не знаешь простых вещей, да и... Много еще чего. Поэтому я стану учить тебя.

– Я... – задумываюсь, осознавая, что даже по-немецки я, скорее всего, непонятно говорю, но всегда можно перейти на диалект. – Хорошо, – киваю я, потому что если верить дяде Сереже, то все правильно.

– Сымай с себя все, – командует она. – Совсем все, и даже железо, если есть.

– Попробовала бы я... – негромко сообщаю ей, поняв, что она это о пирсинге, но у меня даже сережек нет...

– Звери какие, – вздыхает Марья, пока я снимаю одежду.

Мне, конечно, жутко некомфортно это делать, но если она захочет избить, то и так справится, а раз требует раздеться, то это, видимо, ей зачем-то надо. Тем более мне уже все равно, потому что даже если убьют... Ну и что? Вот я застываю перед ней в своем, можно сказать, первозданном виде, только закрываюсь сзади, потому что страшно очень. При этом мне непонятно, почему страшно именно так, не бьют же...

– Все как я и думала, – кивает она. – Не брешься? – я сначала не понимаю, а затем до меня доходит.

– Не для кого, – с кривой усмешкой отвечаю ей. – И татуировок нет.

– Очень хорошо, – кивает она, осмотрев меня внимательно. – Сейчас я дам тебе одежду и объясню, что и как надевать. Неделю походишь так, а затем и бельишком займемся.

Что значит «так», я понимаю через мгновение, когда оказывается, что мне действительно прямо так ходить нужно – только в платье. Марья объясняет, мол, это для того, чтобы я закрываться перестала, потому как я там взрослой считаться буду, а их не бьют именно так. Я вникаю, мне очень любопытно, но и как-то спокойно, что ли... Ощущение, что все происходит во сне.

– Сейчас вернется Сережа и расскажет нам, какая у тебя легенда, – сообщает она мне. – Легенда обязательно быть должна, а не то свои же убьют, а нам это совсем не надо.

– Хорошо, – киваю я, но это еще не все.

Марья начинает учить меня вставать и садиться – на стул, на лавку, так она скамейку называет, на кровать. И я повторяю много-много раз, совершенно утомившись к моменту прихода дяди Сережи. Но при этом у меня получается более-менее автоматически, поэтому Марья и позволяет отдохнуть.

– Сейчас поедим, – предупреждает она дядю Сережу. – А ты покамест о легенде расскажи.

– Да, мысль хорошая, – вздыхает он. – Ты как, Таня?

– Непривычно, – признаюсь я. – А трусы зачем отняли?

– Ты должна научиться носить вариант тех времен, – объясняет мне Марья. – Но в деревнях далеко не всегда они были, потому, на всякий случай, учим тебя и тому, и другому, кто знает...

– Да, история бабушки загадочна, – соглашается он, залезая во внутренний карман пиджака. На нем теперь пиджак серый необычной немного формы, но я думаю, мне объяснят. – Сейчас поедим, и все расскажу.

Если мое появление «там» действительно не шутка, то, получается, мне нужно готовиться, иначе я просто не выживу. Умирать не хочется, на самом деле, а вот грызть этих европейцев в серой и черной форме – очень даже. Да и вообще всех немцев. Ненавижу я их. Не-на-ви-жу!

Мне рассказывают совершенно удивительные вещи, при этом мне надо учиться. Коминтерн, оказывается, очень хорошая штука, потому что много иностранцев, оказывается, помогали Советскому Союзу. Проблема еще и в том, что для меня «коммунизм» пустой звук, а так быть не должно, поэтому Марья рассказывает мне о том времени, фильмы показывает, ну и речь постепенно меняет.

– Теперь что касается легенды, – дядя Сережа после завтрака выкладывает на стол две тряпочки. – Посмотри.

На одной вышит, по-моему текст, а еще напечатан, и печать даже видна полурасплывшаяся, а вот вторая покрыта цифрами. Что это такое, я не представляю даже, поэтому, внимательно оглядев обе, поднимаю взгляд на него. Дядя Сережа чему-то не слишком весело улыбается, глядя на эти самые тряпочки, а потом начинает объяснять.

– Ты появишься на окраине деревни, это все, что нам известно, – произносит он. – Встретишься с нашими. На одной – письмо от немецких коммунистов, на второй – удостоверение. Тот, чья подпись на нем стоит, уже к тому времени погиб, поэтому тебя поначалу воспримут серьезно, ну а потом препятствий чинить не будут.

– А как у вас получилось это сделать? – удивляюсь я.

– Современные технологии, – коротко объясняет он. – Других документов у тебя не будет, и говорить ты станешь правду – что пришла в себя на окраине деревни. Бабушка о своей истории не распространялась, а по архивам мы нашли далеко не все. Но что нашли, тому научим. И стрелять, и работать на ключе, но как оно выйдет – никто не знает.

– Как-то это звучит... – мое выражение лица наверняка выражает сомнение. – Как игра какая-то. Причем игра в шпионов.

– Да... действительно выглядит так себе, – кивает он, еще раз посмотрев на тряпочки. – Но лишним точно не будет, поэтому лучше так, чем совсем никак.

– А вдруг заподозрят подделку и... – я вспоминаю, что во время той войны пытали, по крайней мере так в статье было написано. – Ну... захотят правду узнать?

– Правду... – дядя Сережа задумывается. – Ты имеешь в виду, что наша помощь может сделать хуже...

– Ну вот если бы я была дочкой русских шпионов из Германии, и их бы убили, а я... – объясняю возникшую в голове мысль. – Ведь если из Коминтерна, тогда должна же быть где-то записанной...

– Логично, – кивает он, задумавшись. – Так, я исчезну на пару дней, а ты учись.

– Стоять! – останавливает его Марья. – Ты сиди тут и попроси своих друзей. Девочка без тебя себе обязательно что-нибудь придумает.

– Придумаю! – киваю с готовностью.

В общем, дядя Сережа по телефону объясняет кому-то суть проблемы, а потом предлагает поучиться. Достав большой чемодан, он вынимает из него две коробки, иначе и не скажешь. Приглядевшись, я понимаю, что это радиостанции. При этом на шильдиках на одной по-немецки написано что и зачем, а вторая, с русскими буквами – вообще оторопь вызывает.

– Попробуй освоить, пока я подключаю, – предлагает мне дядя Сережа, возясь со станцией. – Позывной...

Он кладет передо мной листок бумаги с привычно записанным позывным. Я улыбаюсь, изучая переключатели и кнопки на немецкой радиостанции, только затем сообразив, что происходит – он антенну подключает, а учитывая диапазоны... На восемьдесят метров, похоже, или на сорок? На сорок мне нельзя, я начинающая, но тут, мне кажется, все равно.

На свет появляются наушники какого-то очень древнего вида и такой же ключ, зато как я люблю – прямой. Выставляю нужный диапазон на немецкой станции и уже готова работать. Дядя Сережа показывает мне на позывной, на что я киваю и выдаю сигнал поиска контакта. Он ждет. Я повторяю сигнал несколько раз, а затем мне отвечают, судя по позывному, тоже откуда-то из России. И некоторое время мы весело общаемся, отчего на лице моем улыбка.

– Очень хорошо, – кивает дядя Сережа. – Теперь переключаемся на советскую. Смотри внимательно, частоту выставлять надо так, – он демонстрирует, как правильно работать с этой радиостанцией, при этом добивается того, что определенные положения я запоминаю намертво.

– А зачем? – интересуюсь я у него, потому что непонятно совершенно.

– Чтобы могла выйти на связь с разведцентром не задумываясь, – объясняет он мне. – Это их частота, а код тебе знать не положено, только частоту и последовательность посылки сигнала.

Недели две я занята тем, что работаю на ключе каждый день, меняя радиостанции, учусь правильно ходить, говорить и даже петь. Есть, оказывается, песни что немецкие, что русские, которые нельзя не знать. Ну и заучиваю: сколько в Берлине что стоит, как пройти в театр, в школу, в магазин. Существуют ли карточки, как распределяются продукты питания, ну и так далее.

Если у меня хорошо выходит, то я получаю мороженое, только не обычное, а в вафельном рожке. Оно слегка даже приторное, отчего мне нравится не слишком, но, видимо, мне нужно знать его вкус, как и вкус хлеба, мяса и так далее. Со мной очень серьезно работают, как будто все рассказанное мне действительно правда. Впрочем, мне это не так важно, а вот белые очень удобным оказывается. Но привыкнуть можно, чем я и занимаюсь все время, пока не приезжают друзья дяди Сережи.

– Здравствуйте, – в горницу, так комната называется, входит здоровенный мужчина в военной форме.

– Здравствуйте, – отвечаю я, складывая радиостанцию. Отвлекаться нельзя, время идет. – Дядя Сережа сейчас придет.

– Очень хорошо, – отвечает незнакомец, усаживаясь на лавку. – А ты Таня? – интересуется он.

– Таня, – киваю, сворачивая ключ. Здоровский он, мне очень нравится – отлично в руке лежит. – А вы?

– Дядя Сережа скажет, кто я, – улыбается незнакомец, на что я киваю, не желая лезть в то, что меня не касается.

Как-то очень серьезно учат меня, да так, что иногда кажется, будто все действительно правда, а мне нужно как в фантастике – изменить ход войны. Но во-первых, что я могу? А во-вторых, кто бы меня слушал. Насколько я поняла дядю Сережу, мне необходимо просто выжить, но еще я хочу убить как можно больше немцев. Там они будут называться фашистами, но это неважно, потому что я их ненавижу от всей моей души.

Гость спокойно ждет дядю Сережу, а я представляю, как бы своих «родителей» пристрелила просто. Вчера мне показали фильм «Обыкновенный фашизм», и теперь я «этих» ненавижу еще сильнее, потому что их нужно всех уничтожить. И окажусь там, где это будет можно и, по большому счету, даже нужно. После того, что я в фильме увидела, – точно нужно!

Древность. Готовность

Мысль научить меня стрелять кажется дяде Сереже хорошей, поэтому он приносит тяжелое ружье, которое зовется «винтовкой» и имеет оптический прицел, хотя дядя Сережа его как-то иначе называет, но я не запоминаю, только радуюсь перемене деятельности. Жутко устала от зазубривания улиц, правильных форм обращения и угрозы наказания. Оказывается, в Германии детей в школе били. Не только так, как сейчас нельзя, но могли и кулаком ударить. Значит, этого мне нужно бояться, то есть мои рефлексy тут оправданными будут.

– Пойдем постреляем, – предлагает мне дядя Сережа.

Я уже радуюсь, но, оказывается, не все так просто – нужно изучить оружие, почистить его, разобраться в прицеливании, в зарядании. Игра становится все глубже, и я уже сама верю в то, что шагну в прошлое, хоть это и невозможно, но собравшиеся вокруг меня люди верят, что так и будет, при этом демонстрируя мне, как работать с оружием.

– С предохранителя снимается вот так, – показывает он мне. – Не забывай это сделать перед стрельбой.

Никогда себе даже не представляла, что, просто чтобы пострелять, нужна такая подготовительная работа. Потому выходит у меня только дня через два, когда я запоминаю порядок «приведения оружия к бою». И вот дядя Сережа выводит меня из дома, показывая, где можно расположиться, при этом есть там и мишени, только цветные, насколько я отсюда вижу. Мне становится любопытно, поэтому я ложусь на землю, как показывал друг дяди Сережи, который время от времени приезжает, чтобы меня по легенде погонять. В прицел видны лица в соответствующей униформе.

Я-то понимаю, что это картинки объемные, но как живые выглядят, поэтому в первый раз выстрелить оказывается отчего-то очень трудно. Просто невозможно объяснить, да и себе я это объяснить не могу, но вот затем появляется азарт... Но прижимать винтовку надо хорошо, потому что приклад больно дерется.

– Да, в снайперы не вариант, – вздыхает дядя Сережа. – Защитить себя сумеешь, а вот в снайперы...

– Тяжело, – вздыхаю я. – Но тогда...

– Тогда медицина или связь, – он в задумчивости постукивает пальцем по дверному косяку, не знаю, как он правильно называется. – Хорошо, давай дальше работать.

– Ага... – вздыхаю я.

Тут меня никто не спрашивает, зато гоняют по двенадцать часов в день, отчего я становлюсь все более спортивной. Я и так тощей была, но теперь у меня мышцы появляются, и голова от знаний, в нее вливающих, постоянно гудит. Кроме того, Марья показывает мне и на мне распространенные наказания в немецкой школе, позволяя если не ощутить на себе, то хотя бы запомнить, как оно бывает. Не зря я немцев ненавижу...

Так проходит весь август и часть сентября, в течение которых я учусь ходить босиком. Кроме того, мне объясняют, как завязать платье промеж ног, чтобы комфортнее было по буеракам пробираться. Причем не только ходить, но и бегать, и быстро бегать, потому что кто знает... Вот так время и проходит, а потом мне дают неделю отдохнуть. Я просто лежу на траве, смотрю в небо и ни о чем не думаю. Не думается мне ни о чем, совсем...

В одном меня очень хорошо убедили – это не игра. Значит, или я как-то попаду туда, где покой только снится, или дядя Сережа станет мне папой. У него есть своя семья, но он говорит, что они все будут сестренке только рады. Я даже не знаю, верить или нет, но очень надеюсь, хотя мою ненависть он, конечно, подогревает...

– За неделю до срока ты увидишь документальные фильмы, снятые наци, – сообщает мне дядя Сережа. – Они страшные, даже чересчур, поэтому кошмары тебе обеспечены будут.

– А зачем кошмары? – не понимаю я.

– По идее, у тебя родителей убили и как бы не на твоих глазах, – он делает паузу, и я понимаю: действительно, должны быть кошмары, я же читала.

– Поняла, – киваю я. – А что будет, когда срок?

– Мы попрощаемся, и я уеду до первого ноября, – улыбается он. – Если перехода не будет, то заберу тебя домой.

– Уже даже не знаю, что лучше, – вздыхаю, взглянув на небо. – Но если не будет меня там, то не станет и тебя... Ну, наверное.

Он молчит, и я благодарна дяде Сереже за это молчание. За то, что не пытается обмануть и все сам понимает. А еще – за то, что уважает во мне личность, человека. А я в эти дни очень хорошо понимаю: «родители», они такие же, как фашисты в далеком году. И наверное, я готова драться с ними, чтобы обрести свой дом, в котором я не буду низшей, ненужной, лишней. Это мой шанс стать одной из тех, кто на долгие годы напугал немцев до дрожи просто. Это надежда обрести свой дом.

Пусть у меня никогда не будет мамы, я почти смирилась и даже настроила себя на то, что мою настоящую маму немцы убили. Я в это верю теперь изо всех сил и очень хочу им отомстить. Но пусть не будет мамы, зато однажды появится тот, кого я буду любить и кто полюбит меня просто за то, что я есть. Вот здесь я очень хорошо поняла за эти недели: мне нечего делать среди этих людей, которым надо улыбаться, а хочется...

Я злая становлюсь. Друг дяди Сережи мне уже объяснил почему, ведь у меня не было тепла, да и детства, по сути, тоже. Поэтому я озверела, ведь всем детям нужно немного тепла, чтобы любили, чтобы защитили, чтобы просто были, а у меня никого нет. Ну совсем никого... Дядя Сережа, если что, возьмет меня, но, по-моему, просто из жалости. А я не хочу жалости! Я маму хочу! И рвать тех, кто отнял ее у меня! Просто зубами впиться и рвать как собака! Кто решил, что у меня не может быть мамы? Кто?

Я плачу, но это злые слезы, яростные слезы ребенка, у которого отняли детство. Ведь если бы не «родители», а так, как было у Лены из Мюнхена или у Виолы из Берлина, то я хорошей девочкой стала бы. Их любят, очень любят, а меня совсем нет. И теперь к немцам на несколько десятков лет раньше за это расплата придет. Подготовили меня хорошо, за свою сойду, ну а кому не понравится, тот зубами подавится. Дядя Сережа меня завтра начнет самообороне учить. Столько времени, сколько еще осталось, и буду я учиться грызть зубами.

Он не знает, кого я там встречу, смогу ли найти партизан или же выйду уже к нашим частям, но надеется, что кодовую фразу, которую мне сообщили, кто-то поймет, причем правильно поймет. Но вот о приключениях, что меня ждут, дядя Сережа ничего не знает, знает, может быть что угодно. А мне надо собрать медицинскую сумку, но, к сожалению, внутри можно положить только то, что есть в том времени...

Казалось, только вчера дядя Сережа меня учил распознавать мины, а уже пора прощаться. Сегодня первое октября, и наступает срок моего месячного затворничества, а потом в Москву поеду. Даже если из жалости, но будет у меня семья, хоть какая-нибудь. Я не верю ни в какие переходы во времени, несмотря даже на то, что готова к ним. Девчонкам я еще месяц назад написала свое последнее «прости», рассказав, что меня продали и куда-то везут, а потом просто выключила телефон, вытащила батарею и разбила топором. Так что теперь меня не найти.

И теперь... Теперь у нас последний завтрак, дядю Сережу «бардак» уже ждет. Марья уехала еще вчера, а друг его подарил мне пистолет – «Вальтер ППК», он немецкий, восстановленный, так что вопросов не будет. Только стреляет он лучше, чем то, что было тогда, но разницу вряд ли увидят. Совершенно безоружной мне быть не понравилось.

Теперь нужно ждать месяц. Еды у меня полно, рюкзак, полностью повторяющий тамошние образцы, тоже есть. Так что я готова и к тому, что получу возможность всем отомстить, и к тому, что просто проживу в полном одиночестве месяц. Историю я свою знаю, как будто сама ее прожила, платье у меня правильное, потому что штаны не положены девочкам. Они-то, конечно, есть, но не у меня.

– Прощай, – дядя Сережа обнимает меня на прощанье. – Прости, если что не так.

– Если что, я потом отомщу, – с улыбкой обещаю ему. – Береги себя.

– И ты себя береги, – он гладит меня по голове, а потом разворачивается и уходит.

Его большая машина взрывает мотором, отправляясь прочь, а я, взглянув в грозящее дождем небо, возвращаюсь в дом. Книги у меня есть, но все из того времени и касающиеся коммунистической идеологии, потому что я должна хорошо в ней ориентироваться. Как запалить керосиновую лампу, я знаю, потому что электричества уже нет, вот этим и занимаюсь.

Впервые за два месяца я предоставлена себе, поэтому просто залезаю на печку, еще теплую кстати, и ложусь, собираясь подремать. Вокруг тишина просто необыкновенная. Даже птицы, кажется, не поют, а, может, я просто не слышу. Думы одолевают, как сказала бы Марья. И под эти свои мысли я начинаю повторять стихотворение «Убей его». Оно из сорок второго года, это важно не забыть, но очень оно помогает мне и моей ненависти.

Сейчас я уже понимаю, почему со мной обходились именно так – ведь в сороковых было в точности то же самое. Я для них не человек, хуже животного, противней мокрицы. Вот так они меня воспринимали в Германии, поэтому скоро придет час расплаты для всех фашистов. Пусть сейчас твердят, что фашизм умер, но вся моя жизнь говорит об обратном, потому расплата уже спешит.

Я не знаю, как я окажусь в том далеком году, но уже очень хочу там оказаться. Пусть есть опасность того, что меня убьют, но я все равно хочу рвать их на куски за все, что натворили и они, и их потомки. Главное, на волне ненависти не поубивать своих, но это я смогу, наверное. Дядя Сережа мне, конечно, рассказал, что и свои бывали похуже врагов, но у меня есть пистолет, а любой желающий отобрать оружие – сразу же враг. Ну, по-моему, это так. Как на самом деле – увидим.

День за днем проходит, но ничего не случается, я же втягиваюсь в деревенскую жизнь. Керосинка становится привычной, готовка в печи тоже, даже туалет на улице, от которого меня поначалу воротило – все привычно, поэтому я уже и не задумываюсь. Но выходя из дому и ложась спать, беру с собой рюкзак, полностью свыкнувшись с ним. Тем не менее ничего не происходит.

Надвигается поздняя осень, скоро и зима, но по-прежнему ничего. Через неделю за мной придет дядя Сережа, и от этой мысли я чувствую разочарование. Я не просто готова к тому страшному году, я желаю уже там оказаться, чтобы выпустить мою ненависть, чтобы она жила, уничтожая эту падаль. Очень мне желается именно этого, поэтому, наверное, и грустно оттого, что ничего не происходит.

Вокруг только лес, я захожу в него довольно глубоко, но все равно приходится возвращаться, потому что перехода нет. Я уже постепенно отчаиваюсь, но затем начинаю представлять, что это они, немцы, закрыли мне переход, потому что боятся, и от этого отчаяние испаряется, заменяясь каким-то очень яростным чувством, от которого хочется рычать и кого-нибудь совершенно точно убить. Может быть, это и безрассудно, но мне так действительно легче. И ждать легче, и думать тоже.

Встать, умыться из ведра, отправиться в туалет, натянуть платье на нижнюю рубашку, ну и все остальное, конечно, тоже. Затем я растапливаю печь, ставлю самовар, потому что хочется теплого с утра – на улице уже промозглая сырость, а с неба льет противный дождь. Я все делаю привычно, бездумно уже, и кажется мне, что вокруг другая эпоха. При этом мне нравится такая жизнь. Того и гляди откажусь уезжать. Я усмехаюсь.

Кажется мне, что откуда-то лай собак послышался мне и крики. Но это кажется только, потому что нет здесь никого. Может быть, я уже с ума схожу от моей ненависти. Это так себе новость, конечно... Сунув в печь чугунок с кашей, чтобы разогреть ее, я наливаю себе чаю, глядя сквозь маленькое оконце на лес. И вот кажется, что он двоится как-то... Действительно, что ли, с ума сошла? Грустно это, просто очень.

Но вот есть у меня ощущение, что слышу я что-то на выстрелы похожее, отчаянные крики, причем они то возникают, то пропадают, как дуновение ветерка. Очень необычные ощущения. Из-за них я решаю сегодня никуда не ходить, а держать свои вещи при себе, потому что не знаю же я, как именно происходит то, о чем дядя Сережа рассказывал. А вдруг уже время наступает?

Тем временем поспевают каша, которую я ухватом вынимаю из печи. Подумав мгновение, решаю не брать отдельную миску, а поесть прямо из того, в чем готовила, хоть это и не слишком правильно. Чувствуется какая-то странная нервозность, что ли... Предвкушение – не предвкушение... В любом случае поесть надо, потому что если это оно, то, когда я в следующий раз поем досыта, не знает никто.

Пока ем, размышляю о том, что как-то странно все складывается. С одной стороны, я резко повзрослела, а с другой – почему именно я? Вот это мне и непонятно. Хочется, конечно, какой-нибудь сказочки типа избранности, но для чего? Чтобы девчонка, ненавидящая немцев, смогла оказаться там, где их можно убивать? Так себе объяснение...

Темные Века. Наши

Как я ни готовилась, а происходит все внезапно. Я сижу на печи, только перепроверив все в рюкзаке и закрепив на ноге пистолет так, как показывала Марья – прибинтовав, когда все вокруг меняется: изба становится полупрозрачной, постепенно истаивая, а вместо муляжей домов появляются печные трубы. Едкий запах прогорклого дыма режет глаза. Я не спешу, понимая – произошло именно то, к чему готовилась все это время. Интересно, а если бы я в лес пошла?

Спрыгнув с останков печи, я влезаю в лямки рюкзака. Вокруг сгоревшая деревенька, так потом, как я знаю, и не восстановленная. Значит, мне нужно на северо-восток. Компас у меня такой же, как был тогда, то есть сейчас, по нему я легко ориентируюсь, потому что привыкла. Вздохнув, иду вперед, точно зная, что сейчас увижу. Это и мне проверка, на самом деле – не испугаюсь ли?

Сладковатый запах сгоревшей плоти становится сильнее, когда я подхожу к месту расстрела мирных жителей. Я все ближе и ближе, уже видны обрывки платьев, кости и... Что это? Под кустом, нетронутое огнем, лежит тело ребенка. Мне даже кажется, что он дышит. Или это она? Подхожу ближе, наклоняюсь и вижу мальчика лет пяти, наверное, с окровавленной головой. Ни на что не надеясь, проверяю пульс, ошарашенно замерев, а потом достаю флягу с водой, чтобы кровь смыть и понять, насколько глубока рана. Странно, о такой находке дядя Сережа ничего не говорил, но я действую привычно, ибо этому меня на курсах учили.

– Потерпи, маленький, еще чуточку, – шепчу я, – сейчас я тебе помогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.